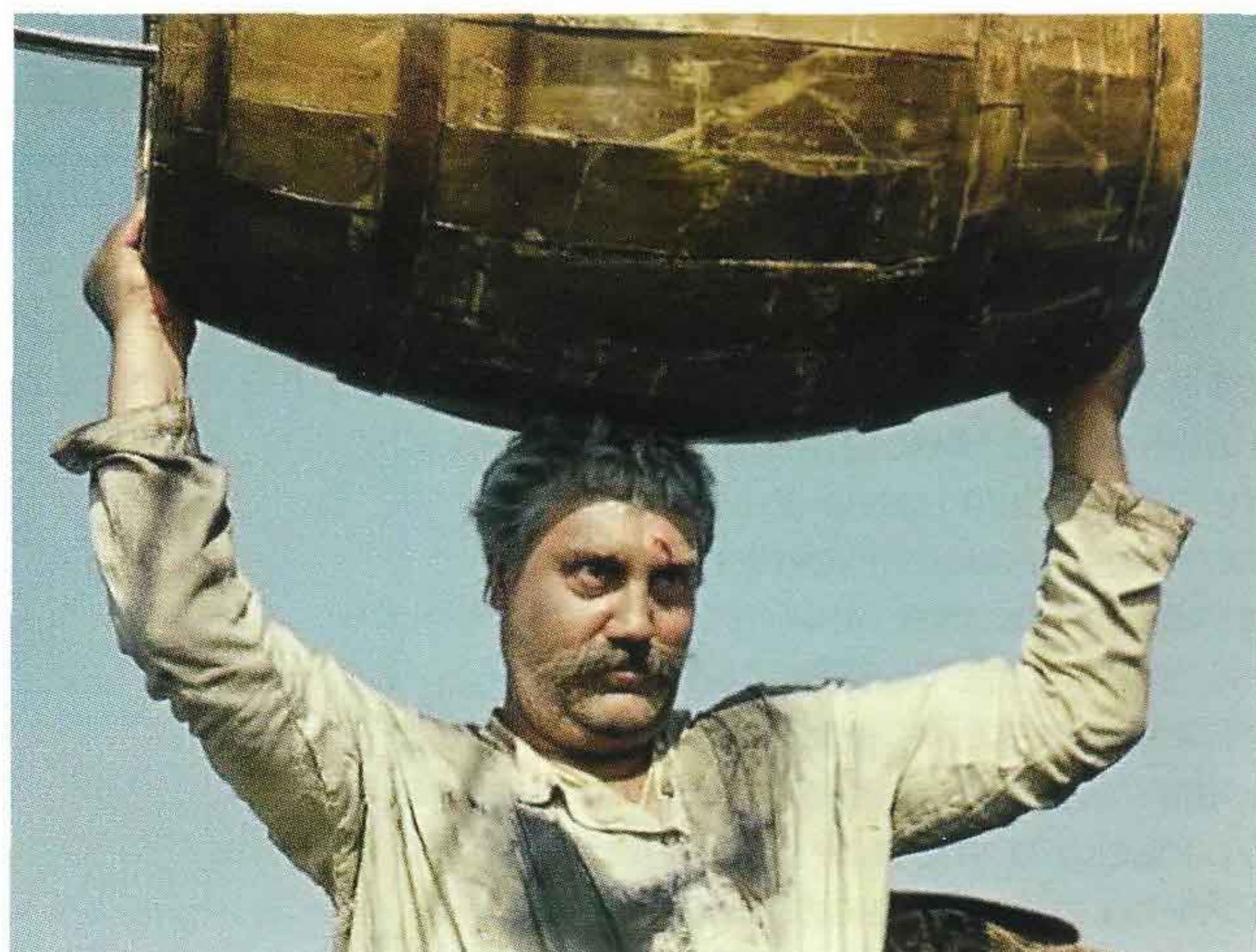

Верещагин с баркаса не ушел

Сорок лет назад на экраны вышел знаменитый фильм Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни». Картина стала не только вехой в истории отечественного кино, но круто изменила судьбы снимавшихся в ней актеров. Их узнавали на улице, им присылали мешки писем...

Имена героев фильма стали для многих из них визитной карточкой на всю жизнь: красноармеец Сухов, Саид, Абдулла, Петруха, Гюльчатай... Ну и, конечно же, бесстрашный, неподкупный и мудрый таможенник Верещагин. Этот образ, созданный замечательным актером Павлом Борисовичем Луспекаевым, стал культовым для нескольких поколений. А крылатая фраза, произнесенная Верещагиным: «Я мзду не беру. Мне за державу обидно», стала профессиональным девизом российской таможни, символизирующим государственное отношение к исполнению служебного долга.

Девять чекушек для Петрухи

Как известно, особой симпатией таможенника Верещагина пользовался юный красноармеец Петруха. Мы отыскали в Санкт-Петербурге исполнителя этой роли Николая Годовикова.

– Николай, с каким чувством вы вспоминаете о съемках? Что это было – веселое приключение или тяжелый труд?

– Это был труд, но труд в радость. Картина снималась на особом подъеме. Все, включая костюмеров и плотника, вбивающего гвозди в декорации, чувствовали себя творцами.

– Вы долго репетировали сцены?

– Как таковых репетиций у нас почти не было. Режиссер разъяснял свои задумки – и пошло-поехало. Кстати, Мотыль давал актерам импровизировать. Я к нему очень хорошо отношусь, хотя он и «садист». Меня на съемках прохватила дизентерия, и когда снимался эпизод, в котором я прошу Гюльчатай открыть личико, у меня была температура под сорок. Говорю Мотылю: «Владимир Яковлевич, больше не могу». А он мне в ответ: «Коля, ты представляешь, сколько времени и средств будет потеряно, если мы из-за тебя отменим съемку». В итоге мы сняли эпизод, после чего я сделал два шага и потерял сознание. На машине Мотыля меня увезли прямо в больницу.

– Одна из самых ярких сцен фильма – когда Верещагин в исполнении блистательного Павла Луспекаева в обнимку с осоловевшим Петрухой поет песню про госпожу Удачу. Вы и в самом деле были «под мухой»?

– Все это игра, конечно. На съемках мы были строго трезвые, а после съемок, конечно, позволяли себе. Когда

снимали в Сосновой поляне – филиале Ленфильма, там по соседству был небольшой магазинчик. Ездили к нему на съемочном «козлике» втроем – я, Луспекаев и Кузнецов, исполнитель роли товарища Сухова. Подъезжали и меня, как самого молодого, напутствовали: «Ну, Николай, вперед!» Почему-то всегда покупали девять маленьких. Помню, Мотыль все время к нам напращивался, а Пал Борисыч Луспекаев ему говорил: «Владимир Яковлевич, у вас есть своя «Волга», вот и катайтесь на ней».

– Луспекаев в это время был уже тяжело болен?

– Да, у него были ампутированы ступни ног, он ходил на протезах. Ему было очень трудно, но он старался этого не показывать. После съемки всегда отходил в сторонку, садился у моря, опускал ноги в воду, и у него аж слезы выступали на глазах.

От меня он не скрывал своих эмоций. И я был доверенным лицом его жены. Когда она уезжала в Ленинград, то всегда просила: «Коля, ты не поживешь у дяди Паши, пока меня не будет?» И я всегда жил у него в номере. Он мне много чего рассказывал. Несмотря на разницу в возрасте, у нас были чудные отношения. Когда Пал Борисыча не стало, я служил в армии, в Сибири. Родные актера прислали мне телеграмму, но меня, к сожалению, на похороны не отпустили.

– Гибель таможенника Верещагина во время взрыва на шхуне – один из самых драматичных эпизодов фильма...

– А вы знаете, что сначала Верещагина хотели оставить в живых – он уплывал на шхуне. Собирались снимать вторую серию картины... Финал задумывался такой: прошли годы, советская власть установилась в Средней

Азии, басмачей не стало. И товарищ Сухов волею судьбы опять попадает в те же места, где когда-то воевал. В республике идет большое строительство, и Сухов опять встречает тех же женщин из гарема Абдуллы. Они что-то строят – в грязи, в пыли, и все такие счастливые!

...Интересно, что по первоначальному замыслу роль Верещагина была несколько короче, а гибель таможенника быстрой, без рукопашной схватки с врагом. Но по ходу съемок режиссеру стало понятно, в какую былинную фигуру превращается Верещагин в исполнении Луспекаева. И тогда режиссер взялся изменить сценарий. Мотыль расширил и углубил образ таможенника, в результате роль второго плана выросла практически до главной. Между прочим, и роль Верещагина стала главной в жизни актера. Он словно предчувствовал, что это будет его «лебединая песня»: через две недели после того, как фильм вышел на экраны, Павел Луспекаев скончался от разрыва сердца.

Вторая фамилия

Когда я шел на встречу с Анатолием Кузнецовым, мне невольно вспомнились слова таможенника Верещагина: «Сухов, говоришь? А вот мы сейчас посмотрим, какой это Сухов».

– Анатолий Борисович, роль в «Белом солнце пустыни» принесла Вам небывалый успех. Вас ведь до сих пор часто называют Суховым?

– Да, и думаю, это уже на всю жизнь. Я с этим смирился и ничего изменить не могу. Сухов – моя вторая фамилия.

– Вашего героя не упрекнешь в супружеской неверности. А ведь в его полном распоряжении был целый гарем.

– Да, но это все-таки были чужие жены, а мой герой стремился к своей Екатерине Матвеевне. Конечно, было трудно. Помните эпизод, когда голодающие жены делегировали к Сухову юную Гульчатай? Она плясала, а потом села к нему на колени. А Сухов ей говорит: «Ты брось это, дочка». Так что приходилось бороться с соблазнами.

– Красноармеец Сухов на досуге любил подремать и искупаться в море. А как Вы обычно отдыхаете?

– Люблю почитать или, если позволяет время, побывать на природе, посидеть на берегу речки.

– Чего бы Вы сами себе хотели пожелать?

– Как это ни банально, но я пожелал бы себе здоровья и веселого настроения. Возьмите Америку, человек там делает бизнес, вдруг – бух – разорился! Он берется за другое дело, начинает сначала. Мы же сразу впадаем в отчаяние – такой у нас менталитет, что ли... Прожили много лет, не имея ничего своего, на государственном иждивении. А сейчас наступило время, когда ты должен бороться сам за себя. И что же – из малейшей неудачи делать трагедию? Нельзя. Вспомните Сухова: он не унывал ни при каких обстоятельствах.

«Пропуск» в космос

Тема ностальгии, прозвучавшая в «Белом солнце пустыни», оказалась особенно близкой российским космонавтам. Для многих фильм стал своеобразным талисманом. Уже много лет космонавты смотрят «Белое солнце» перед каждым стартом на Байконуре. Вот что рассказывает летчик-космонавт Алексей Леонов:

– Впервые мы смотрели фильм плотно, и тогда я доставлял его на космодром, перед стартом Андриана Николаева и Виталия Севастьянова. В то время у нас уже был видеомагнитофон, и мы его записали на пленку. И накануне следующего полета я спрашиваю экипаж: что бы вы хотели посмотреть? Они ответили: «Белое солнце пустыни». Так и родилась традиция – перед стартом смотреть фильм, который приносит нам удачу. Между прочим, было два случая: не смотрел фильм – не полетел. И с тех пор стали думать:

«Белое солнце пустыни» – это «пропуск» в космос.

...Впрочем, фильм горячо любим и популярен не только космонавтами, но и таможенниками. Самоотверженный герой Павел Верещагин уже давно считается символом таможенной службы. Ему установлены памятники рядом с отделениями таможен в Кургане и Донецке. Федеральная таможенная служба РФ организовала конкурс на лучший проект памятника Верещагину в Москве. Как рассказал главный инженер Каслинского завода художественного литья Сергей Трофимов, где собираются изготавливать памятник Верещагину, это будет бронзовый монумент высотой в человеческий рост и весом около 700 килограммов.

Игорь ЛОГВИНОВ

Досье «Таможни»

«Белое солнце пустыни» – один из самых известных фильмов в истории отечественного кинематографа. Советский «истерн» 1969 года режиссера Владимира Мотыля повествует о приключениях красноармейца Сухова, спасающего от бандита Абдуллы его гарем в годы гражданской войны. Павел Луспекаев, создавший образ таможенника, снимался инвалидом – еще в конце 60-х ему наполовину ампутировали ступни. Режиссер предлагал Луспекаеву сняться на костылях и даже хотел соответствующим образом изменить сценарий. Но актер ответил, что будет сниматься без каскадеров. «Это был подвиг в самом буквальном смысле, победа человеческого духа над обстоятельствами, казалось бы, безвыходными», – вспоминает режиссер Владимир Мотыль. Так что Верещагин с баркаса не ушел.